

ШАХМАТОВА Е.В. Мифологема «Восток» в философско-эзотерическом контексте культуры Серебряного века. М.: Академический проект, 2020. 413 с.

Если европоцентристская установка противопоставляла Европу и Азию как миры «цивилизации и варварства», то многие русские мыслители, подобно Н.Я. Данилевскому подвергнувшие сомнению данную дихотомию, концепт «Восток» активно и разнообразно использовали в целях самоидентификации России. Если западный ориентализм во многом представляет собой конструирование «Востока», то российский, при всей своей научной основательности, – скорее созидание самой России. Если Европа воспринимала Восток по принципу своей противоположности, как в формулировке Р. Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток и никогда им не встретиться», то Россия сознавала свое близкое родство с Востоком, не только географическое, но и духовное. Д.И. Менделеев характеризовал Россию как «особый срединный мир, лежащий между Европой и Азией» (с. 65).

В центре внимания в рецензируемой монографии находится восточная составляющая процесса поиска синтетической формы нового искусства в эпоху Серебряного века. Следуя алгоритму Ренессанса, интеллектуальная элита России обратилась тогда к дохристианским, индо-арийским корням культуры, находя свою прародину в «Индии Духа», а затем и в легендарной Гиперборее. Е.В. Шахматова уделяет внимание и процессам «вытеснения» архаических пластов памяти посредством изучения «туранского элемента», вошедшего составной частью в русскую культуру еще в татаро-монгольский период отечественной истории.

В книге развернута масштабная панорама «паломничества на Восток» русских ученых и деятелей культуры на рубеже XIX–XX вв. в контексте смещения парадигмы антропоцентризма к парадигме антропокосмизма в отечественной философской мысли. В сущности, это первая попытка комплексного анализа, обобщающего обширный круг идей, связанных с исследованием картины мира Серебряного века в контексте влияния эзотерической мысли Востока на философию, литературу и искусство рубежа XIX–XX вв.

Монография состоит из трех частей. Во введении, которое я бы назвал дихотомическим, общий культурный контекст обрисовывается различными преломлениями базовой оппозиции Востока и Запада – ориентализм и евразийство, мистицизм и эзотеризм, всеединство и русский космизм и т.д. В первой части книги

«Аккумуляция культурных смыслов» даны перипетии «восточного поворота» мировой философской мысли на фоне кризиса европейского позитивизма и взаимоотношений жизнестроительного и игрового начал в русской культуре. Здесь главные герои русского паломничества на Восток в поисках всеединства человечества – Чехов, Бунин, Хлебников, искатели Шамбалы.

Во второй части «Культурный синтез Востока, России и Запада» рассмотрены метафизические системы Востока в оценке Вл. Соловьева и сложившаяся во многом на этой основе картина мира Серебряного века. Негативное отношение к Востоку наиболее определенно было высказано Соловьевым, предрекавшим гибель русской культуры от многочисленных орд Востока в стихотворении «Панмонголизм» (1894):

О Русь! забудь былую славу:
Орел двухглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Иную позицию занял Н.Ф. Федоров, увидевший возможность сближения земледельческой России с такой же земледельческой страной, Китаем, чьи традиции почитания предков ближе русскому сознанию, чем Запад с его почитанием золота.

Образ времени в литературе и искусстве Серебряного века преломляется в философии мига и вечного возвращения. В «Государстве времени» В. Хлебникова возникает антропология смерти. Отдельная глава рецензируемой книги посвящена идее «вечного возвращения» у символистов, ее взаимодействию с пониманием прапамяти в творчестве акмеистов, смерти в культурфилософии футуризма и с идеей посмертного перевоплощения в «мистическом эмпиризме» Н. Лосского.

Если В. Хлебников был готов «скинуть шляпу» даже перед книгой Дарвина лишь за то, что «порой в ее концах Ничто сокрыто, как в ларцах» (6-й парус «Сына Выдры»), то К. Циолковский, размышляя над эволюцией человека и определяя ощущения как функцию времени, отмечал: «Если ощущение нельзя или затруднительно назвать положительным или отрицательным, то оно есть безразличное, или нулевое. Нулевые ощущения также бесконечно разнообразны. В идеальном виде это есть небытие. Не смерть, а именно – небытие» (с. 180–181).

В восточной философии Небытие – это нераскрывшееся, не ставшее еще бытие, это

зародыш, из которого все разовьется, это не знак неизбежной смерти, а нечто противоположное. Именно к такому пониманию Небытия приходит европейское сознание на рубеже веков, и А. Белый, предощущая грядущие пространственные катаклизмы, записывает: «Казалось бы, единственное бегство – в себя. Но “Я” – это единственное спасение – оказывается только черной пропастью, куда вторично врываются пыльные вихри, слагаясь в безобразные, всем нам известные картины. И вот чувствуешь, как вечно проваливаешься – со всеми призраками, призрак со всеми нулями ноль. Но и не проваливаешься, потому что некуда провалиться, когда все равномерно летят, уменьшаясь равномерно. Так что мир приближается к нулю, и уже ноль» (с. 356–357). А К. Циолковский, которого я ранее никогда не связывал с Серебряным веком, задавался вопросом: «Не есть ли жизнь только взыблаломученный ноль? – Значит, нет ни счастливой, ни несчастливой жизни, а есть только волнующееся ничто» (с. 357).

Часть третья «Магия теургии» дает драматичную картину движения от идеи искусства, преобразующего мир, квинтэссенцией которой стал теургический проект А. Скрыбина, к возрождению архаики. Завершает автор книгу обращением к «Черному квадрату» К. Малевича, выступающему иконой новой космической эры, когда Бог понимается не как атропоморфная сущность, а как трансцендентный символ эзотерической живописи, говорящей языком формы, цвета и цифры (с. 347).

Особенно актуальной в работе Е.В. Шахматовой представляется мысль, что ориентализм как в востоковедении той поры, так и в русской культуре и литературе в частности, был больше, чем дискурсом, определяющим колониальные настроения. Поставив вопросы о самопознании и дальнейших путях развития общества, органично вписавшись в философский спор о «русской идее», он совершенно закономерно был востребован на рубеже XX–XXI вв. в связи с проблемой национальной самоидентификации, которая вновь встала перед Россией, предпринимавшей очередную попытку самоопределения посредством кросскультурного диалога.

Интересен театроведческий аспект исследования, из которого следует, что восточная драма не соответствует европейской системе жанров. Главный конфликт европейской трагедии заключался в неравном противоборстве между героем и миром, утратившим гармонию. Человек, «мера всех вещей», своими героическими усилиями пытался противостоять процессу разрушения мирового порядка. Силы изначально были не равны, и герой был обречен на гибель. Но на Востоке «трагедии в европейском понимании... просто не могло быть. Мир в буддистском понимании гармоничен изначально: человек сам отвечает за себя, формирует

события этой жизни поступками своего предшествующего существования. Кроме того, человек в восточной культуре никогда не являлся единицей измерения. Он был уравниван в правах с миром природы и никому, кроме самого себя, не мог предъявлять претензий. Конфликт “человек и мир” для восточной драмы невозможен. Смерть в буддистской картине мира не является трагедией, фактически она не существует, воспринимается лишь как этап перехода, “перемены одежды”, не более того» (с. 176–177).

В русской литературе проводником индийского мирозерцания, опосредованно трансформированного немецкой философией в свете современной науки, стала, как считает Е.В. Шахматова, поэзия Ф.И. Тютчева. Действительно, его творчество пронизано ощущением всеединства и призрачности бытия: «Все во мне, и я во всем!..» («Тени сизые смешались...»), «Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, — / Не светлый дым, блестящий при луне, / А эта тень, бегущая от дыма». (Как дынный столп светлеет в вышине!), «Здесь человек лишь снится сам себе» («На возвратном пути»), «Как океан объемлет шар земной, / Земная жизнь кругом объята снами» («Как океан объемлет шар земной») (с. 256).

В то же время поэтом даны и стратегические перспективы установления структуры русского Востока.

Запад, Норд и Юг в крушенье,
Троны, царства в разрушенье, –
На Восток укройся дальный
Воздух пить патриархальный!..

(1829)

Здесь не только предчувствие волны европейских революций. Здесь – вполне точная картина и текущих, на момент написания этих строк, мировых трансформаций.

Упомянется в монографии и Ю.К. Шукский, относивший к наследию атлантов китайскую «Книгу перемен» – «И цзин», которую он перевел на русский язык. Востоковед писал: «Как столетие тому назад европейское человечество получило наследие от Индии, древнейшей послеатлантической культуры, так мы стоим перед гранью, за которой должно быть дано наследие Атлантиды, сохраненное в китайской культуре (особенно в даосизме и отчасти в “Книге перемен”»)» (с. 326).

Об Атлантиде и Лемурии, где только еще намечались различия будущих рас, писал А. Белый, мысля движение от безличного к личному, от несвободы к свободе, от сознания расы к сознанию «я». Крушение Атлантиды переживает во сне герой «Петербурга» А. Белого Николай Аполлонович, в сцене страшного суда ему открываются его предыдущие рождения: он видит себя Атлантом, «развратным чудовищем (земля под ним не держалась – опустилась под воды)»

(с. 215). В Лемурии происходят события «Поэмы начала» (1921) Н. Гумилева. Название произведения отсылает к космогоническому мифу:

С сотворенья мира стократы
Умирая, менялся прах:
Этот камень рычал когда-то,
Этот плещ парил в облаках.

Вопрос об отношении к Востоку затрагивал глубинные проблемы самоидентификации и вызывал горячие дискуссии в обществе. Россия, находясь на историческом перекрестке цивилизаций между Востоком и Западом, издавна пыталась примирить в себе два типа сознания: коллективистский, свойственный традиционному мышлению Востока, и индивидуалистический, характерный для Запада. Возникшее на рубеже веков мощное притяжение культур Востока и Европы, имея многие общие черты с обращением к Востоку в культуре русской, во многом от него отличалось. В монографии Е.В. Шахматовой исследована роль религиозно-философского и мифологического контекста Востока в генезисе и развитии картины мира Серебряного века. Результаты проделанной работы правомерно признать новаторскими для понимания наметившейся в эту эпоху смены парадигм: от антропоцентризма к антропокосмизму. Автор показала взаимосвязь философии всеединства и русского космизма с восточным мистицизмом, рассмотрела влияние основных антропологических аспектов философии Индии и Китая на ключевые мотивы и образы знаковых произведений модернизма. Принципы мифопоэтической семантики русского модернизма в книге сопоставлены с картиной мира Серебряного века

в ее взаимосвязи с восточным мирозерцанием. Труд Е.В. Шахматовой позволяет наметить наиболее перспективные направления для дальнейшего развития научных изысканий по данной тематике, которая не перестает быть актуальной: рубеж XX-XXI вв. вновь поставил человечество перед глобальным вызовом. Мир становится единым – интернет, как некогда книгопечатание, принципиально изменяет коммуникативную сферу и требует иного общества, в рамках которого людям будет удобно жить и общаться без различий рас, наций и языков. О. Шпенглер в начале XX в. заявил о «Закате Европы». А в середине XX столетия А. Тойнби высказал предположение, что «западный динамизм соединится с китайской стабильностью в сбалансированных пропорциях, а это, в свою очередь, породит новый образ жизни, который не только даст человечеству возможность выжить, но и гарантирует ему благополучие» (с. 362).

А.П. Люсий

Люсий Александр Павлович – Институт кино и телевидения (ГИТР), Москва, 123007, Хорошевское шоссе, д. 32 А.

Доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор Института кино и телевидения (ГИТР).

a.lyusiy@yandex.ru

Lyusiy Alexander P. – GITR Film & Television School, 32a, Horoshevskoe sh., Moscow, 123007, Russian Federation.

DSc in Philology, CSc in Culturology, professor, GITR Film & Television School.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-220-222